
Р. В. И ЕЗУИТОВА

ПИСЬМО В. А. ЖУКОВСКОГО
К С. Л. ПУШКИНУ О СМЕРТИ ПОЭТА

(К ИСТОРИИ ТЕКСТА)

«Самой достоверной и авторитетной историей последних дней Пушкина принято считать описание, составленное В. А. Жуковским в форме письма к отцу поэта, жившему в Москве», — указывает П. Е. Щеголев, посвятивший особую главу своей книги «Дуэль и смерть Пушкина» анализу этого документального источника.¹ Признавая значение письма как наиболее полного свода свидетельств очевидцев дуэли и смерти Пушкина, Щеголев выразил, однако, сомнение в точности и объективности Жуковского-мемуариста. Он обвинил поэта в фальсификации дуэльных событий в религиозно-монархическом духе. Свою точку зрения исследователь обосновывал социологически, исходя из представлений о позиции Жуковского как сугубо верноподданнической и полностью распространяя ее на участие в делах умирающего Пушкина.² При этом Щеголев стремился опереться и на текстологический анализ письма поэта к С. Л. Пушкину, подчеркивая, что самый характер работы Жуковского над этим документом убеждает в сознательно допущенных им отступлениях от истины исторической.

Естественно возникает вопрос, какими рукописными и печатными источниками письма Жуковского к С. Л. Пушкину располагал Щеголев. Ответить на него чрезвычайно важно, так как степень полноты использованных исследователем источников, их точная датировка, определение последовательности работы поэта над ними, соотношение существующих редакций письма позволят либо подтвердить правоту Щеголева, либо внести в его оценку этого письма документально обоснованные коррективы. Отвечая на вопрос, в какой мере письмо Жуковского отражает реально происходившие в конце января—начале февраля 1837 г. события и что привнесено в их освещение автором письма, следует учитывать, что перед нами не только собственно мемуарный, но и художественно-публицистический документ. Определение степени надежности и достоверности письма к С. Л. Пушкину как мемуарного источника, с одной стороны, и как художественного воссоздания «последних минут» Пушкина — с другой, настоятельно требует учета всей сложной совокупности обстоятельств, сопровождавших авторскую работу Жуковского.

1

В распоряжении П. Е. Щеголева были два рукописных и два печатных источника письма В. А. Жуковского к С. Л. Пушкину. В основу своего текстологического анализа Щеголев положил рукописную редакцию

¹ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. М.; Л., 1928. С. 159.
Критику этой точки зрения см. в статье Я. Л. Левкович в настоящем томе (с. 146).

письма, сохранившиеся в списке (с правкой Жуковского) в собрании А. Ф. Онегина.³ «Тетрадка в 12 листов почтовой бумаги большого формата, текстом занято в ней 11 листов», — указывает исследователь, рассматривая эту рукопись как «черновик с многочисленными исправлениями, часть коих сделана чернилами и карандашом самим Жуковским».⁴ Однако в своих построениях Щеголев исходил не столько из этого «черновика» (хотя он и опубликовал все варианты авторской правки), сколько из текста письма до его правки Жуковским, т. е. опирался на редакцию первоначальную, которую мы для удобства изложения будем называть первоначальной (или 1-й) редакцией полного рукописного текста письма.

Вторым рукописным источником, на который опирался Щеголев, была беловая редакция письма — сводка последнего чтения (после авторской правки предыдущего списка), тоже извлеченная из собрания А. Ф. Онегина: «Тетрадка из такой же бумаги в 18 листов, из которых записано 17. Здесь текст перебелен без помарок, весьма тщательно. Карандашом сделаны кое-какие пометы и помечены листы, исключенные в печати».⁵ Назовем эту сводку белой (2-й) редакцией полного текста письма.

Что же касается печатных источников, то Щеголев имел в виду публикацию статьи Жуковского «Последние минуты Пушкина» (в пятом томе «Современника» в 1837 г.⁶), которая представляет собой специально переработанный автором для печати краткий текст письма. Эта краткая (печатная) редакция письма является последней авторской редакцией письма к С. Л. Пушкину.

Вторым печатным источником, на который опирался Щеголев, была публикация П. И. Бартевым в «Русском архиве» (1864) обширных дополнений к редакции «Современника». Дополнения, опубликованные по неизвестному Щеголеву рукописному списку под названием «Неизданные отрывки из письма В. А. Жуковского о кончине Пушкина», сопровождались следующим примечанием: «Письмо Жуковского о кончине Пушкина обыкновенно печатается в виде приложения в собраниях сочинений последнего. Оно до сих пор остается самым полным связным рассказом об этом несчастном событии; но, вероятно, немногим было известно, что оно печатается далеко не вполне. Приводимые теперь отрывки взяты из современной рукописи, с поправками Жуковского, благосклонно сообщенной нам гр. А. С. Уваровым».⁷ П. Е. Щеголев, широко используя эти вставки в своей статье (и даже в ряде случаев опираясь на них), по существу не поставил необходимого в данном случае вопроса о том, в каком соотношении с двумя известными ему рукописными редакциями полного текста письма (первоначальной, до правки, и окончательной, белой) и краткой печатной находится этот список (назовем его условно «уваровским»).

Разумеется, трудно было бы ожидать полной ясности от исследователя, не видевшего оригинала документа, но уже имя его владельца графа А. С. Уварова (сына министра народного просвещения С. С. Уварова)⁸ давало основания для некоторых предположений на этот счет. Известный своей враждой к передовой печати, С. С. Уваров был председателем Главного управления цензуры, в ведении которого находилась и вся петербургская цензура. Таким образом, рукопись, доставшаяся его сыну,

³ ИРЛИ, ф. 244, оп. 18, № 33 (тетради 1 п 2).

⁴ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 162.

⁵ Там же.

⁶ Современник. 1837. Т. 5. № 1. С. I—XVII.

⁷ Русский архив. 1864. С. 48.

⁸ Алексей Сергеевич Уваров (1828—1884) — ученый, археолог, один из основателей Московского Исторического музея, был человеком совершенно иного плана, нежели его отец. Далекий от интриганства, угодничества перед властями, А. С. Уваров пользовался уважением современников и немало сделал для развития отечественной археологии.

скорее всего была служебным документом (и оригиналом, а не копией с него, ибо, по указанию Бартенева, содержала поправки Жуковского), т. е. рукописью цензурной. А если наше предположение справедливо, то в распоряжении Бартенева оказалась цензурная рукопись предназначенной для «Современника» статьи Жуковского о кончине Пушкина в ее полном, не урезанном цензурой виде (в советские годы поступила в Рукописный отдел Пушкинского Дома).⁹

Цензурная рукопись «Последних минут Пушкина» — не единственный пример того, что документальная основа мемуарного письма Жуковского была выявлена Щеголевым далеко не полностью. Существуют и другие рукописные списки письма (в том числе и авторизованный) в разных его редакциях, которые не попали в поле зрения не только Щеголева, но и современных исследователей.¹⁰ Предварительное знакомство с ними не позволяет считать убедительной намеченную в книге Щеголева последовательность творческой работы Жуковского над своим мемуарным письмом. Необходимо обращение к более широкому кругу источников, как рукописных, так и печатных, чтобы заново проследить весь ход творческой работы Жуковского над письмом к С. Л. Пушкину о дуэли и смерти поэта.

2

Обратимся сначала к конспективным заметкам Жуковского, так как они теснейшим образом связаны с работой Жуковского над письмом к отцу поэта. С этой точки зрения наибольший интерес в них представляют записи третья, четвертая и пятая, поскольку они позволяют скорректировать свидетельские показания самого Жуковского (отразившиеся в конспективных заметках) со свидетельствами других очевидцев трагического события. Как указывает И. Боричевский, третья запись фиксирует события дня дуэли (и того, что ей непосредственно предшествовало, — «приезд Дантеса с Геккерном» и «ссора на лестнице») и датируется 1 февраля.¹¹ Запись четвертая, являющаяся продолжением третьей, по мнению И. Боричевского, сделана около 2 февраля. В ней Жуковский «закрепил события после дуэли». ¹² Добавим: именно она является сердцевинной, документальным стержнем задуманного Жуковским письма — описания смерти Пушкина. И, наконец, пятая запись, содержащая список фамилий, прокомментирована исследователем как своего рода «программа действий» друзей Пушкина после его смерти. «Она была написана вскоре после смерти поэта, в начале февраля»,¹³ — датирует эту запись И. Боричевский. Такая датировка носит несколько расплывчатый характер и нуждается в уточнении. Очевидно, под «действиями друзей» следует понимать их письма в защиту памяти Пушкина. Хотя писались они по горячим следам событий, далеко не все они относились к началу февраля. Так, известное письмо Е. Н. Мещерской написано 16 февраля, одно из писем П. А. Вяземского — 14 февраля и т. д. Таким образом, либо запись пятая должна быть датирована серединой февраля (если согласиться с истолкованием ее смысла и характера в статье И. Боричевского), либо

⁹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 18, № 256, л. 1—10 об. Документ представляет собой писарскую копию с правкой Жуковского, двумя пометами на полях рукописи, принадлежащими А. И. Тургеневу, и многочисленными цензурскими пометами. Ручкой Жуковского написан заголовок «Последние минуты Пушкина». Рукопись подписана цензором А. Л. Крыловым и датирована 28 марта 1837 г. Документ имеет экслибрис («Из бумаг графа А. С. Уварова»), не оставляющий сомнений в том, что бартенева публикация делалась именно по этой рукописи.

¹⁰ Эти документы включены в известный библиографический указатель материалов о дуэли и смерти Пушкина, составленный В. В. Даниловым и М. П. Султан-Шах. См.: Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома. М.; Л., 1959. Вып. 7. С. 18—19.

¹¹ Боричевский И. Заметки Жуковского о гибели Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Л., 1937. Т. III. С. 383.

¹² Там же. С. 385.

¹³ Там же. С. 387.

она имеет в виду не «действия друзей», а ей придано какое-то иное целевое назначение.

Сопоставив даты писем и записок (описаний) свидетелей последних дней Пушкина, названных в перечне Жуковского, с датой его собственного письма (15 февраля 1837 г.), можно с уверенностью заключить, что запись пятая имеет в виду вовсе не программу «действий друзей» Пушкина (ибо Жуковский никогда не брал на себя роль руководителя подобной акции), но вполне определенное и куда более скромное назначение — она тесно связана с начатой именно в эти дни (3—15 февраля) работой над письмом к С. Л. Пушкину. Жуковский перечисляет в ней имена тех очевидцев трагического события, впечатлениями и наблюдениями которых он собирался воспользоваться в своем описании кончины Пушкина. В записи речь идет не только об авторах письменных свидетельств (И. Т. Спасском и В. И. Дале, например), дружеских писем — откликов на смерть Пушкина, но и об устных рассказах друзей и единомышленников поэта. Знаком «плюс» отмечена фамилия П. А. Плетнева, находившегося почти безотлучно при умирающем Пушкине, и, видимо, он был первым из друзей, предложившим Жуковскому свою помощь. И, наоборот, знаком «минус» отмечены свидетели, которые по разным причинам не могли рассказать поэту о своих впечатлениях, — Данзас и Михаил Виельгорский, ибо первый, как справедливо предполагает Боричевский, «был арестован, ждал суда и не мог участвовать в общем походе». Дело, разумеется не в «общем походе», а в том, что Жуковский был лишен возможности лично общаться с Данзасом в эти дни, что он и отметил в своих заметках. Второй свидетель драмы, помеченный знаком «минус», — Виельгорский, как пишет Боричевский, «знатный меценат», не любивший «никаких общественных выступлений» и уклонившийся в силу этого от «общего похода».¹⁴ С этим также трудно согласиться, ибо именно у Виельгорского состоялся «именинный» обед Жуковского, совпавший в 1837 г. с днем кончины Пушкина. Дело, видимо, заключалось в другом: Жуковский либо не общался в эти дни с Виельгорским, либо впечатления последнего «перекрывались» наблюдениями самого поэта.

Последними в списке Жуковского стоят фамилии В. Ф. Одоевского (скорее всего как автора некролога в «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду») и А. А. Краевского (редактора этой газеты), однако последнюю поэт зачеркивает: Краевский не был очевидцем событий и попал как бы по инерции, вслед за В. Ф. Одоевским. Исходя из своего понимания назначения пятой записи, И. Боричевский не мог правильно объяснить, почему в списке отсутствует А. И. Тургенев, один из главных и весьма активных свидетелей январской драмы 1837 г. «Он начал писать свои послания о смерти Пушкина еще при его жизни, в комнатах умирающего. И чуть не каждый день засыпал разных лиц новыми письмами и копиями прежних. Жуковскому не было нужды включать его в список, так же как самого себя. Они работали вместе, в полном согласии. Может быть, и список составляли вместе»,¹⁵ — пишет Боричевский, словно забыв о том, что в самый момент работы Жуковского над письмом А. И. Тургенев в Петербурге отсутствовал, так как сопровождал по личному распоряжению Николая I тело Пушкина для погребения в Святогорском монастыре Псковской губернии. Выехав из Петербурга в ночь с 3 на 4 февраля, Тургенев вернулся в Петербург 9 февраля, и, как это следует из его дневниковой записи, только 18 февраля он впервые познакомился с текстом законченного 15 февраля письма Жуковского к С. Л. Пушкину: «Читал его прекрасное письмо к отцу Пушкина».¹⁶ Следовательно, письмо создавалось в отсутствие Тургенева, и только этим обстоятельством можно объяснить пропуск его имени в списке лиц пятой записи конспективных записок. Ознакомившись с текстом письма

¹⁴ Там же. С. 386.

¹⁵ Там же. С. 387.

¹⁶ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 291.

только 18 февраля 1837 г., Тургенев обратил внимание на полное отсутствие в тексте документа его свидетельских показаний и даже простого упоминания его имени. Это может служить еще одним подтверждением, что Жуковский был предельно точен в каждом эпизоде, в каждой реплике своего письма, ибо оно писалось с постоянной «оглядкой» на впечатления других свидетелей. Наблюдения отсутствовавшего в момент работы над документом Тургенева не вошли в полную первоначальную редакцию письма, однако, как мы сможем убедиться, оказались полностью учтенными в дальнейшей работе Жуковского.

Изложенные выше соображения, как нам представляется, позволяют уточнить дату пятой записи конспективных заметок Жуковского: она могла быть написана не ранее 3 февраля (2 февраля помечена четвертая запись) и не позже 8 февраля, ибо Жуковский включил бы тогда Тургенева в список опрашиваемых им свидетелей «последних минут Пушкина».

Подчеркнем еще одно обстоятельство: все три анализируемые нами записи конспективных заметок связаны между собой не только последовательностью происходивших в это время событий, но и своей несомненной причастностью к намерению Жуковского, опираясь на весь комплекс доступных ему материалов, создать целостную, правдивую картину дуэли и смерти Пушкина. В процессе обдумывания этого замысла Жуковский решил придать своему описанию форму письма к отцу поэта. Конспективные заметки — и в этом еще одно их существенное для истории дуэли значение — являются первым подступом к составлению такого описания, ранней стадией воплощения замысла Жуковского. Они содержат канву событий, перечень некоторых документов, имена очевидцев происшествия и даже, если согласиться со Щеголевым, план письма.¹⁷ Следующим этапом работы Жуковского является непосредственная работа над текстом письма, к рассмотрению которой мы и перейдем в следующем разделе нашей статьи.

3

Если конспективные заметки писались для себя, то назначение письма к С. Л. Пушкину — иное. Необходимость информировать о случившемся отца поэта, жившего в Москве, привела к мысли о написании не ряда отдельных дружеских откликов на гибель поэта, а составленного общими усилиями подробного описания, своего рода отчета о случившемся. Составление такого письма-отчета было поручено Жуковскому. Именно так понимал свою задачу автор письма — он выразитель не столько своей, сколько общей точки зрения на происшедшее, летописец скорбных событий. Письмо создавалось как публицистический документ, адресованный не только осиротевшим родным поэта, но всей читающей, грамотной России. Друзья поэта стремились представить гибель Пушкина не как семейную драму, но как огромное общенациональное горе, и эта мысль звучит уже в первых строчках письма: «Не говорю о тебе, бедный дряхлый отец; не говорю об нас, горящих друзьях его. Россия лишилась своего любимого национального поэта».¹⁸

В сложной политической обстановке, вызванной реакцией широких общественных кругов на гибель национального поэта от руки иностранца, друзья поэта видели свою задачу в защите его памяти от клеветы и недоброжелательства. Из враждебных Пушкину придворно-светских кругов исходила версия об агрессивном поведении Пушкина, приведшем к дуэли.

¹⁷ Там же. С. 314. Щеголев пишет о конспективных заметках: «Третья страница не заполнена, на четвертой набросал рукой Жуковского план: „Спасение. О жене и т. д.“».

¹⁸ Цитирую по первоначальной, полной рукописной редакции письма: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 175. Показательно, что ни этот отрывок, ни подобные ему по характеру фрагменты текста почти не подвергались дальнейшей правке и сохраняются во всех известных нам редакциях письма.

Примерно об этом писал Николай I И. Ф. Паскевичу-Эриванскому 4 февраля 1837 г.: «... здесь все тихо, одна трагическая смерть Пушкина занимает публику и служит пищей ежедневным глупым толкам. Он умер от раны за дерзость и глупую картель, им же писанную, но, слава богу, умер христианином». ¹⁹ Стремясь попасть императору в тон, Паскевич ответит: «Жаль Пушкина как литератора в то время, как талант его созрел, — но человек он был дурной». ²⁰ Необходимость представить Пушкина мужественным и благородным определяет главный пафос письма Жуковского, и это можно легко подтвердить множеством примеров, взятых из его текста.

Это же стремление — информировать современников о смерти национального гения, раскрыть подлинные причины его гибели — определяет и самые формы бытования первой (рукописной) редакции письма. Его оригинал (в этом можно почти не сомневаться, ибо отцу поэта Жуковский не мог послать копию, список письма) был отправлен по почте в Москву со следующей запиской, адресованной непосредственно московскому почт-директору А. Я. Булгакову: «Вот тебе, милый Александр, письмо, которое передай от меня Сергею Львовичу». Зная крайнее любопытство Булгакова (одного из главных разносчиков московских новостей), Жуковский добавляет: «Можешь его после вытребовать и прочитать в нем подробное описание последних минут Пушкина». ²¹ Расчет оказался верным: с московского оригинала были сняты многочисленные копии и списки, широко распространившиеся по всей России. Однако они не могли удовлетворить читательского спроса. Кроме того, при переписке текст искажался, контаминировался с другими документами, избытолично пропускался, а подчас и неясностями. Отвечая на повышенный читательский спрос, Жуковский решил опубликовать краткий вариант письма в «Современнике», и вся последующая его работа над текстом (следы которой отразились в дошедших до нас авторизованных списках письма, в том числе и в тех, которые изучал Щеголев) связана именно с этим намерением автора.

Среди дошедших до нас списков письма не все имеют научное значение, как авторитетные источники текста. О двух авторизованных списках из Онегинского архива мы писали выше, в связи с публикацией первоначальной редакции письма Щеголевым. Существует и другая писарская копия той же (т. е. первоначальной) редакции письма, почти полностью идентичная «онегинской». Различий между ними немного, но они весьма показательны, и на них следует остановиться особо.

Второй список не попал в поле зрения пушкинистов, а между тем он представляет значительный интерес именно с текстологической точки зрения — не только тем, что на нем имеется столь же обильная авторская правка, но и благодаря содержащимся на нем пометам, принадлежащим А. И. Тургеневу. Для удобства дальнейшего изложения будем называть эту копию письма Жуковского к С. Л. Пушкину «тургеневской».

Чем можно объяснить наличие двух идентичных копий письма? С неизвестного нам оригинала Жуковский снял несколько (не менее двух) писарских копий. Такого рода практика характерна не только для Жуковского (так, две писарские копии были в свое время сняты им с первоначального, чернового текста его перевода «Слова о полку Игореве»), ²² но и для других авторов пушкинской поры (Вяземского, например). Необходимость двух копий — «онегинской» и «тургеневской», содержащих значительные авторские исправления и уточнения, — вне всякого сомнения связана с намерением продолжать дальнейшую работу над письмом; это свидетельствует о начатой Жуковским переработке письма в статью. В ходе этой работы Жуковский продолжал собирать свидетель-

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 1018 (Паскевича), оп. 5, № 170.

²⁰ Там же, № 670.

²¹ Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома. 1959. Вып. 8. С. 18.

²² См.: Рукою Пушкина. М.; Л., 1935. С. 146—149.

ства очевидцев кончины Пушкина; по-видимому, для этой цели была изготовлена лишняя писарская копия, предназначенная для друзей («тургеневская»). Что же касается «онегинской» копии, то она была рабочим экземпляром самого автора. Недаром именно она сохранилась в личном архиве поэта, часть которого, как известно, содержится в «онегинском собрании». «Тургеневская» копия впоследствии оказалась у Вяземского (этим обстоятельством объясняется то, что она хранится ныне в ЦГАЛИ, куда попала основная часть его архива).²³

4

Ознакомившись 18 февраля 1837 г. с письмом Жуковского к С. Л. Пушкину, А. И. Тургенев заметил ряд пробелов и неточностей в тексте, связанных, как указывалось, с тем, что Жуковский не располагал во время своей работы информацией Тургенева. Для того чтобы учесть поправки и уточнения друга, поэт представил ему одну из писарских копий, перенеся на нее свою правку. На полях этой копии Тургенев делает свои замечания, связанные с его личным присутствием при «последних минутах» Пушкина. Приведем полностью текст этих (трех) помет. Как мы сможем убедиться далее, Жуковский, готовя текст письма (точнее, статьи) для «Современника», самым внимательным образом учел все поправки и дополнения друга.

Для пояснения нашей мысли сравним текст полной (рукописной) редакции письма к С. Л. Пушкину с краткой (печатной), опубликованной в «Современнике».

Первая помета А. И. Тургенева касается такого драматического эпизода «последних минут» Пушкина, как прощание с друзьями. На л. 4 об. к фразе текста: «В это время уже собрались мы все, князь Вяземский, княгиня, граф Виельгорский и я. Княгиня была с женою. . .» — Тургенев добавляет на полях: «в 10 часов вечера был уже тут Тургенев». В тексте «Современника» это место выглядит следующим образом: «В это время уже собрались князь Вяземский, княгиня, Тургенев, граф Виельгорский и я».²⁴

В рукописном тексте стоит: «В эту минуту приехал граф Виельгорский и вошел к нему и также в последние подал ему живому руку». На л. 6 об. «тургеневской» копии имеется следующая помета, уточняющая детали прощания Пушкина с Е. А. Карамзиной: «После Виельгорского вошел и Тургенев, два раза пожал он (Пушкин. — Р. И.) ему руку и взглянул на него в последний раз, махнул рукою и сказал ему: „Карамзину!“». И это уточнение было принято автором письма. В тексте «Современника» сцена приобрела следующий вид: «Когда подошел к нему Тургенев, он посмотрел на него два раза пристально, пожал ему руку; казалось, хотел что-то сказать, но махнул рукой и только промолвил: „Карамзину!“».²⁵

Особенно важна последняя помета, касающаяся обстоятельств похорон Пушкина. В полной (рукописной) редакции своего письма Жуковский о них не пишет, оно заканчивается словами: «И все, что было земной Пушкин, навсегда пропало из глаз моих».²⁶ Подробности похорон Пушкина автору письма еще неизвестны, и в этом отношении свидетельства А. И. Тургенева (единственного очевидца погребения великого поэта из числа его петербургских друзей) приобретали особенную, повышенную ценность. Вот текст третьей пометы Тургенева: «Государь назначил Тургенева как старшего друга (мое описание) привезти гроб и предать тело земле в Святых Горах. Мне с жандармом ехать за телом».²⁷ Какое же

²³ См.: ЦГАЛИ; ф. 198, оп. 1, № 83.

²⁴ Современник. 1837. Т. 5. С. VI.

²⁵ Там же. С. IX.

²⁶ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 197.

²⁷ ЦГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 83, л. 12.

«описание» имел в виду Тургенев? Обратимся к его «Дневнику». 5 марта 1837 г. в нем появляется следующая запись: «День рождения Софьи Ник. <олаевны> Карамзиной, у ней сидели Герке и Федоров, а я писал добавление к письму Жуковского о Пушкине и послал его к Жуковскому».²⁸ Можно не сомневаться в том, что речь идет о «добавлении» к печатной редакции письма Жуковского («Последние минуты Пушкина»), которое было включено в авторский текст Жуковского как особое примечание к основному тексту. Таким образом, оно завершает статью, как бы давая читателю последний, скупой, но выразительный штрих к общей картине гибели великого поэта. Автор этого дополнения («описания») — А. И. Тургенев. Именно он составляет это описание и посылает его Жуковскому, включившему его в печатный текст своего письма.

Итак, мы могли убедиться, что Жуковский самым тщательным образом учел все пожелания и дополнения Тургенева. В своей работе над печатной редакцией письма он явно пользовался «тургеновским» списком, устными рассказами и письменным «описанием» погребения Пушкина, сделанным Тургеневым. Это лишний раз подтверждает нашу мысль об участии в работе над письмом на всех ее стадиях главных свидетелей трагического события и о выработке единой концепции дуэли и смерти Пушкина общими усилиями его друзей. Дневниковые записи Тургенева, касающиеся его участия в создании печатной редакции письма (а их в дневнике несколько), позволяют более точно, чем это делалось до сих пор, датировать последовательность авторской работы Жуковского. При этом вырисовывается следующая картина.

После завершения первоначальной (полной) редакции письма Жуковский почти сразу же приступает к литературной обработке написанного и перебеленного текста. Обильная авторская правка на обеих копиях письма («онегинской» и «тургеновской») несомненно носит стилистический характер: отрабатывается слог, убираются словесные повторы, подыскиваются более точные и выразительные эпитеты, глаголы. Автор добивается предельной лаконичности и выразительности своих словесных формулировок.²⁹ Никаких изменений фактического свойства в текст письма на этой стадии работы поэт не вносит.

Работа велась в два приема: первоначальная правка в целом ряде случаев делалась (в особенности на «онегинском», рабочем экземпляре рукописи) карандашом, затем была обведена чернилами. Чернилами того же цвета записана дата окончания этой работы — 15 февраля 1837 г. То же — и в «тургеновской» копии. Тогда же Жуковский перебелил этот правленный, ставший черновиком текст. С него была снята новая писарская копия, сохранившаяся в составе Онегинского архива. Эта вторая «онегинская» копия дает 2-ую рукописную редакцию письма.

Завершение работы над этой редакцией (и это следует особо подчеркнуть) точно датировано автором: дата 15 февраля дважды проставлена рукой Жуковского — в «онегинском» и «тургеновском» списках. Она же указана и во втором «онегинском» списке. Это означает, что Жуковский ставил последнюю точку в работе над письмом. А если это так, то дефинитивным текстом письма к С. Л. Пушкину (в его полной редакции) следует считать не его первоначальную редакцию, извлеченную Щеголевым из первого «онегинского» списка, а авторизованную вторую «онегинскую» копию. Именно этот текст следует помещать в корпусе основных редакций, а опубликованный Щеголевым — в разделе «Другие редакции и варианты». Но тогда неизбежно возникает вопрос, какая из двух редакций была послана С. Л. Пушкину в Москву и зачем Жуковскому понадобилась вторая редакция. В современных исследованиях подобный вопрос обычно не ставился. Авторы их пользуются то щеголевской публи-

²⁸ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 300.

²⁹ Изучение стилистической правки Жуковского в тексте письма к С. Л. Пушкину могло бы послужить темой особой работы. Щеголев коснулся этой проблемы только отчасти.

кацией, то печатной (т. е. краткой) редакцией письма, даже не оговаривая, что это два существенно различных текста. После включения Н. В. Измайловым письма Жуковского к Пушкину в корпус «основных текстов» в редакции Шеголева³⁰ предпочтение отдается именно первоначальной редакции. О существовании второй (основной, по нашему мнению) редакции письма многие исследователи даже и не подозревают. Поэтому необходимо ввести ясность в вопрос о соотношении и назначении разных редакций письма.

Можно почти не сомневаться в том, что С. Л. Пушкину была послана первоначальная редакция письма. Снятые с него копии, как указывалось выше, остались у Жуковского и стали рабочими экземплярами автора, что несомненно свидетельствует о намерении продолжать дальнейшую работу над письмом. Однако у редакций письма — существенно различное назначение. Если первоначальная редакция не преследовала художественно-публицистических целей, то вторая редакция характеризовала намерение поэта создать документ более широкого общественного звучания. У нее более обширный читательский адрес: это не письмо к отцу, не заметки для себя, это рассказ о трагическом событии русской истории, обращенный к современникам и потомкам.

Даже самое предварительное ознакомление с внесенными в первоначальный текст письма исправлениями (не претендующее на их детальный анализ) убеждает в том, что никакого искажения событий и приукрашивания свидетельских показаний автор письма себе не позволяет. Он строго придерживается своих источников (как устных, так и письменных), постоянно соотнося свои впечатления с другими свидетельскими показаниями. Полнота и точность описания «последних дней» великого поэта, внимание к детали, работа буквально над каждым словом характеризуют вторую (полную) редакцию этого замечательного документа.

5

Последний этап творческой работы Жуковского связан непосредственно с созданием «Последних минут Пушкина», иными словами — с «превращением» письма в печатную статью. О том, чем руководствовался при этом Жуковский, подробно пишет Я. Л. Левкович.³¹ Напомним лишь, что письмо подвергалось сильному сокращению, которое шло по двум направлениям. Во-первых, из текста письма полностью были исключены все упоминания о дуэли (и соответственно связанные с нею эпизоды и сцены). Во-вторых, автором были сняты (или существенно переработаны) фрагменты текста, характеризующие участие Николая I в делах умиряющего Пушкина. Следы именно такого рода правки имеются во всех трех авторизованных списках полной редакции письма, но последовательно и систематически эта работа проведена на первом «онегинском» списке (рабочем экземпляре поэта). Эти сокращения (сделанные чернилами) дают нам второй слой правки «онегинского» списка, ибо предварительные наброски такого сокращения были сделаны карандашом во втором «онегинском» списке (на полях рукописи Жуковский отчеркивает те фрагменты, которые собирался «удалить» из текста).

Итак, предварительная работа по сокращению письма в указанных двух направлениях была проделана в тексте белой редакции, но осуществлялась непосредственно на рабочем (т. е. первом «онегинском») экземпляре письма. Из него были изъяты 16 фрагментов, в ряде случаев весьма значительных по своему объему. Подобная работа не могла быть чисто механической: она повлекла за собою доработку оставшегося текста, выразившуюся в замене отдельных слов, согласовании соседних формулировок, в придании всему изложению большей стройности и логичности.

³⁰ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. М., 1960. Т. 4. С. 602—616.

³¹ См. ее статью в настоящем томе (с. 148—149).

На этом этапе авторской работы изменения коснулись и содержательной стороны документа.

§ Назовем самые значительные из них. Поэт наметил к сокращению весь эпизод, начинающийся словами «И между всеми русскими особенную потерю сделал в нем государь» и заканчивающийся строками о царе как «представителе славы и нравственности народной». Второй большой эпизод, изъятый из письма и связанный с Николаем I, это рассказ о первом разговоре царя с Арендтом и о записке, посланной с ним Пушкину (от слов «Покинув Пушкина, он отправился во дворец» и заканчивая отъездом Арендта от Пушкина: «Он скоро потом уехал»). Жуковский вычеркивает и небольшой отрывок, описывающий новый приезд Арендта и разговор с ним Пушкина, касающийся ответа Николая I на просьбу Пушкина о прощении (от слов «В это время прискал доктор Арендт» и заканчивая рассказом Жуковского о себе: «. . . я решился в ту же минуту ехать к государю, чтобы известить его величество о том, что слышал»). Далее Жуковский снимает две сцены: небольшую — разговор свой с Пушкиным (от слов «Надобно знать», включая пушкинскую реплику «был бы весь его») и весь эпизод своей беседы с монархом (от слов «Сходя с крыльца» и заканчивая рассказом о своем возвращении назад, к Пушкину: «эти слова говорил слабо, отрывисто, но явственно»). Полностью снят большой фрагмент текста о государе («Государь император получил известия от доктора Арендта» и завершающие эпизод слова о «добром участии наших добрых русских», которые Жуковского «глубоко трогали, но не удивляли»). Оказался изъятым и короткий «пассаж» о Люцероде, саксонском посланнике, горющем о гибели русского гения («Потому же Люцероде <. . .> нынче похороны Пушкина»). Из текста вычеркнуты сообщения о том, что Николай I «повелел» «запечатать кабинет Пушкина» печатью его душеприказчика (т. е. самого Жуковского), о том, что Жуковский подробно доложил императору, «как умер Пушкин» («он выслушал меня наедине в своем кабинете: этого прекрасного часа моей жизни я никогда не забуду»), и, наконец, последнее рассуждение Жуковского о Николае I как «великодушном покровителе» погибшего поэта (от слов «И особенно глубоко трогало мне душу» и заканчивая рассказом о прощении народа с Пушкиным как о «трогательном прославлении его великодушного покровителя»). Как видим, основная правка текста осуществлена за счет полного отказа от одной из главных идей письма — идеи единения народа, скорбящего о своей невозвратимой потере, и монарха, «великодушного покровителя» Пушкина. По справедливому утверждению Я. Л. Левкович, главной причиной этого отказа было нежелание самого Николая I представлять в подобной роли перед читателями письма. Но, может быть, в такой «операции» отчасти сказалось и «прозрение» Жуковского, уже получившего «горькие» уроки от монарха во время «посмертного обыска» у Пушкина.

Сокращения, связанные с «дуэльными» эпизодами письма, носят, как это убедительно показал еще П. Е. Щеголев, сугубо цензурный характер. Назовем главные из них. Снят весь рассказ о самой дуэли (от слов «Вот что рассказали мне о случившемся» и заканчивая рассказом о возвращении Пушкина с поединка с Данзасом, которому он рассказывал по дороге «анекдоты»). Изъят разговор Пушкина с доктором Шольцем о своей ране («я чувствовал при выстреле сильный удар в бок и горячо стрельнуло в поясницу»), слова «Первою заботою было остановить внутреннее кровотечение», опасения Пушкина за жену (от фразы «он боялся, чтобы она к нему подходила» до слов «с удивительным мужеством пересидивал» включительно), фраза «ни слова, ниже воспоминания о поединке». Этих изъятий, как нетрудно убедиться, значительно меньше, и они-то и повлекли за собой некоторые переделки текста, связанного с описанием самочувствия Пушкина, умиравшего от огнестрельной раны, о чем в печатном тексте упоминать было нельзя. Впрочем, о том, что Пушкин погиб на поединке, защищая свою личную честь и свое достоинство как национального поэта, знала вся Россия. Передававшаяся из уст в уста страшная

весть о том, что иностранец застрелил национального поэта, была тем фоном, на котором читалось и воспринималось письмо Жуковского.

Дальнейшая работа Жуковского над текстом статьи не свелась к механическому переписыванию последней сводки получившегося в результате сокращения текста. Была проделана сложная авторская работа, в ходе которой и последовательность изложения в целом, и отдельные его эпизоды и сцены дополнялись и уточнялись. Самый процесс дальнейшей творческой работы Жуковского и конечные ее результаты отражает цензурная рукопись. Она, как указывалось выше, хранится в пушкинском фонде Рукописного отдела ИРЛИ, но до сих пор никак не используется в работах о дуэли и смерти Пушкина.

Что же нового по сравнению с двумя полными редакциями письма Жуковского она дает? Характерно, что цензурная рукопись не является сводкой последнего чтения первого «онегинского» списка (уже после сделанных автором сокращений), хотя совершенно очевидно, что она создавалась на его основе. Так, в ней совершенно неожиданно находятся стилистические варианты, исправленные во втором «онегинском» списке, и наоборот: ряд формулировок цензурной рукописи восходит к этому списку, т. е. ко второй редакции полного текста письма. Это дает все основания заключить, что цензурная рукопись содержит новую редакцию письма (третью по счету), занимающую промежуточное положение между второй полной его редакцией и «конечной» печатной (краткой). Но ценность этого документа, помимо важности его как документа цензурного, состоит в том, что позволяет понять, каким был тот объем сведений о трагической гибели Пушкина, который автор письма считал нужным предложить своему читателю. Картина получается несколько неожиданной и поэтому особенно интересной.

Изъяз из своего описания весь «дуэльный» материал,³² Жуковский почти полностью восстановил снятые ранее фрагменты текста, касающиеся отношения Николая I к умирающему Пушкину, начиная с первого отрывка («И между всеми русскими. . .») и вплоть до последних эпизодов, характеризующих разговоры автора письма с монархом о «последних минутах» Пушкина и его рукописном наследии. Жуковский преследовал при этом вполне понятную цель: знакомство с этими сведениями широких читательских кругов становилось защитной мерой, направленной против врагов умершего поэта. Включение подобного материала в цензурную рукопись в его полном объеме было попыткой Жуковского провести в печать свою версию дуэльных событий. Поэтому не случайно, что автору письма был дан «бой» со стороны цензурных ведомств именно в этом вопросе, ибо цензурские пометы (за редчайшими исключениями) коснулись только тех сцен, в которых действует или упоминается Николай I. Примером может служить уже первый фрагмент о монархе, составляющий своеобразное «идеологическое» зерно всей концепции Жуковского. Целиком снятый в первом «онегинском» списке, он был восстановлен в цензурной рукописи. Цензор предложил его изъять, за исключением небольшого текста о «государе», потерявшем в Пушкине «своего поэта». В печатном тексте Жуковский заменяет этот отрывок более нейтральным текстом из второго «онегинского» списка: «Слава нынешнего царствования утрачена * в нем своего поэта, который принадлежал бы ему, как Державин славе Екатерины, а Карамзин славе Александра».³³ Подобные замены наблюдаются и в других случаях.

Цензорский карандаш коснулся и следующего, большого фрагмента о приезде на квартиру Пушкина Арендта с запиской от Николая I. Он был целиком изъят из печатного текста (а следовательно, все попытки на этом лишь основании считать записку апокрифической научно несостоятельны, ибо «изъятие» это было осуществлено по требованию цензуры).

³² Подробнее об этом см. в статье Я. Л. Левкович в настоящем томе (с. 152—153).

³³ Современник. 1837. Т. 5. С. III. В «онегинском» списке отмеченное звездочкой слово читалось «потеряла».

Особенно наглядным примером цензурного произвола может служить знаменитый эпизод с прощальными словами, обращенными Пушкиным к Николаю I. Во всех рукописных источниках письма к С. Л. Пушкину умирающий поэт просит Жуковского передать Николаю I: «Скажи < . . . > что мне жаль умереть; был бы весь его». Далее следует рассказ об аудиенции Жуковского у Николая I с передачей монарху слов Пушкина, а затем о возвращении Жуковского, рассказавшего ему о своем разговоре с императором, и с «ответными» словами Пушкина, снова обращенными к Николаю I. Снимая весь эпизод посещения Жуковским Николая I, цензор сохраняет благодарственные слова Пушкина в адрес императора. Единственным выходом из возникшей при этом логической неувязки было присоединение «пушкинской» фразы («Скажи государю, что я желаю ему долгого, долгого царствования, что я желаю ему счастья в его сыне, что я желаю ему счастья в его России») к его же словам, сказанным уже по другому поводу («Был бы весь его»). Таким образом, под прямым давлением цензуры был сконструирован текст этого отрывка в «Современнике», и Жуковский лишь отчасти в этом повинен.

Подобным «исправлениям» подверглись в цензурной рукописи и другие концептуально значимые эпизоды (описание прощания жителей Петербурга с Пушкиным, например). Рассказ о том, как Жуковский информировал Николая I о последних часах жизни Пушкина и о порученном ему опекунстве над рукописями поэта был по настоянию цензуры вовсе снят из статьи. После исправлений, вызванных вмешательством цензора, текст статьи был дополнен короткой преамбулой «Россия потеряла Пушкина» и описанием пушкинского погребения, сделанным А. И. Тургеневым.³⁴ По этой статье, даже после исправлений, искаживших авторский замысел, но не лишивших ее смелого гражданского пафоса и общественного звучания, русский читатель узнал о своей «невозвратной и ничем не вознаградивой потере».

³⁴ Можно догадываться о том, как воспринял Жуковский вмешательство цензуры в текст своей статьи. Из «Дневника» А. И. Тургенева известно, что поэт знакомил друзей с ее полным текстом: именно об этом, на наш взгляд, идет речь в записи от 3 марта («Слушал письмо Жуковского к отцу Пушкина и поэму „Медный рыцарь“ Пушкина» — цит. по: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 300). Здесь безусловно говорится о произведениях, предназначенных для публикации в V томе «Современника», который, напомним, действительно открывался статьей Жуковского о смерти Пушкина и в котором был напечатан «Медный всадник». Таким образом, статья (в ее полном, не искаженном вмешательством цензуры виде) была завершена к 3 марта 1837 г. 19 марта А. И. Тургенев записывает: «. . . читал письмо Жуковского к отцу Пушкина с выпусками», имея в виду цензорские «выпуски». Значит, переработка статьи по замечаниям цензора к 19 марта была закончена. Исправленный текст поступил снова к цензору А. Крылову, который подписал его к печати 27 марта 1837 г. (помета на цензурном экземпляре). Любопытно, что цензорские «выпуски» коснулись и тургеневской части «Последних минут Пушкина». В «уваровской» (цензурной) рукописи описание похорон Пушкина начиналось фразой, не вошедшей в печатный текст и вычеркнутой рукой Крылова: «За телом следовал Тургенев, коего государь император назначил отдать последний долг умершему и предать его земле».

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

П У Ш К И Н

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1989